

18+

Человечность в людях
и вне людей

Галина Шляхова
Человечность
в людях и вне людей

<https://litres.ru/74428279>

ISBN 9785007095358

Аннотация

Юбилейный сборник благотворительного проекта «Слова, спасающие лапы». Десять лет наши авторы помогают сохранять жизнь попавшим в беду животным.

Содержание

Аврора Ливрова1	5
Игривый Лис	17
Валерия Смоленко	21
Екатерина Янсон	28
Алина Сидина	30
Юлия Белоусова	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Человечность в людях и вне людей

Составитель Галина Игоревна Шляхова

Иллюстратор Алина Черных

Дизайнер обложки Любовь Ярославцева

Иллюстратор Паула Стельмашук

Фотограф Яна Федькина

© Галина Игоревна Шляхова, составитель, 2026

© Алина Черных, иллюстрации, 2026

© Любовь Ярославцева, дизайн обложки, 2026

© Паула Стельмашук, иллюстрации, 2026

© Яна Федькина, фотографии, 2026

ISBN 978-5-0070-9535-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аврора Ливрова¹

И они перестали

Чудак появился в городе в понедельник. В солнечных очках и с портфелем из экокожи. Он просто пришёл на рынок и скупил всех раков. Потом, подождав в задумчивости, пока приобретение погрузят в багажник его джипа, добавил, что хотел бы взять ещё и всю имеющуюся в продаже живую рыбу. Платил чудак щедро, поэтому торговцы переглядывались и пожимали плечами, но не задали ни одного вопроса.

Во вторник чудак вернулся. Повторил он свой опт и в среду. К четвергу город насторожился. Поставщики не успевали обновлять ассортимент, а жители не успевали заполучить ни одной рыбёшки.

В пятницу чудаку попытались составить конкуренцию. Молодой отец приехал на рынок спозаранок, чтобы опередить странного покупателя, не знающего меры. Но тот вновь появился одновременно с открытием ларьков. Торг выдался недолгим: чудак сразу завысил цену, предупредив, что обязательным условием его покупки было предоставление ему всего ассортимента — иначе сделка не состоится. Продавцам было не принципиально, кому достанется товар. Отец

¹ Литературный псевдоним учредителя АНО СОВет Г. И. Шляховой.

семейства, намеревавшийся приобрести лишь стандартный набор для своих домочадцев на пару обедов по обычной рыночной стоимости, никоим образом не выдерживал в их глазах соперничества с незнакомцем, который за минуту обеспечивал им сумму, почти втрое превышающую выручку даже самых успешных дней.

Город встретил выходные, снова оставшись без раков и без рыбы.

Началась новая неделя, и никто уже не удивился, увидев чудака рано утром на его посту.

Прошло ещё несколько дней, и с каждым разом рыбий рынок оказывался готов предоставить своему — с некоторых пор единственному — покупателю всё меньше продукции. Впрочем, его, похоже, всё устраивало: он выглядел скорее довольным, нежели разочарованным. А главное, ничего не пересчитывая и не взвешивая, он, хотя невооружённым глазом было видно, что раков и рыбы в его джип загружают куда меньше, чем в первые дни, без лишних вопросов платил одну и ту же сумму. После чего садился за руль и уезжал.

— Чего вы добиваетесь? — спросил его в воскресенье градоначальник, специально приехавший с утра на базар, получив массу обращений граждан с просьбами разобраться.

— Чтобы ваш город перестал есть раков и рыбу, — спокойно ответил чудака, словно ожидавший этого разговора. Он непроницаемо смотрел на градоначальника сквозь свои тёмные очки и равнодушно теребил в левой руке сорванную со-

ломинку.

— Но зачем вам одному столько раков и рыбы! Вы успеваете за сутки всё это съесть?!

— Нет, я вообще никого из них не ем.

— Перепродаёте? — воскликнул градоначальник, решив, что его осенило.

— Выпускаю в водоёмы, — поправил его лжедогадку чу-дак.

— Но в чём же смысл?!

— Смысл в том, чтобы вы перестали есть раков и рыбу.

И они перестали.

Жители вскоре смирились с созданным дефицитом и переориентировали свои рационы на другие блюда.

Продавцы в какой-то момент осознали, что полученная ими за две декады прибыль позволяет им больше вообще не работать, — а кто же будет работать, если есть возможность без этого обойтись?

Однажды утром базар просто не открылся.

Чудак постоял у пустых торговых рядов с четверть часа, улыбнулся, снял очки и уехал. В соседний город.

Здесь же, в оставленном им месте, ничего обратно не изменилось. Спустя время деньги у рыботорговцев кончились, но они уже не стали возобновлять свою прежнюю деятельность. Отвыкли. Нашли себе новые занятия по душе.

На Земле уже есть один

...А когда за мои грехи
Мне попасть доведётся в ад,
Я чертям, что к мольбам глухи,
Рассмеюсь в лицо невпопад,
Их повергнув тем самым в шок:
Им не смех привычен, а плач;
Как хохочут — им невдомёк,
Даже если память напрячь.
И кольцом обступят меня:
Прецедент возник, эксклюзив.
Поделюсь, вопросам их вняв,
Что видал, куда был жив.
Поясню им, чем удивлён:
«В адских муках нет новизны,
Ваши пытки не эталон,
На Земле они внесены
В категорию *мирных дел*.
За идеями вы зашли б

В продуктовом любом в отдел,
Где купить предлагают рыб
Или раков, живых ещё.
Заскочите потом в НИИ,
Что виварием оснащён.
Вы найдёте трюки свои
И на фермах, где держат скот.
Чтоб нам с кем-нибудь повернуть
То, что души в геенне ждёт,
Им грешить не надо отнюдь —
Нам не нужен повод». На смех
Даже выйдет сам Сатана,
Не встречавший сроду потех
Средь достигших адского дна.
Только разве же это дно?
Детский лепет в сравнение с тем,
Что *под солнцем* заведено.
«Ладно звери — их без проблем
Мы признали *низшими*, чтоб
Для наук и аграрных нужд
Издаваться, но вгонит в гроб
Человек, страданиям чужд,
И себе подобных; пестрят
Наши новости этим сплошь».
(Сатана опустит тут взгляд.
Я продолжу.) «Чего возьмёшь
С маргиналов — на то они
И преступники, но террор,
Злодеяниям их сродни,

И над странами власть простёр.
Цель — благая. В стремление к ней
Легитимный, праведный гнев
Исковеркает жизнь семей».
Сатана, слегка побледнев,
Не подняв по-прежнему глаз,
Чтоб не выдать, как он сердит,
Будет слушать этот рассказ.
Осознать ему предстоит,
Что, стараясь посеять зло,
Он немного переборщил:
Человечество превзошло
Сам источник бесовских сил.
Канонический Асмодей
Измельчал теперь да поблёк,
И на фоне земных людей
Он давно уже... ангелок.
Тут внезапно, по швам треща,
Ад разрушится до руин.
За ненадобностью. Прощай,
На Земле уже есть один.

Синица в небе

Посвящается сумасшедшим, способным отпустить
из рук Журавля ради Синицы в небе.

Жил на свете один Орнитолог. И была у него мечта: заполучить райскую птицу. Ему наскучили водившиеся в местном климате породы: воробьи да галки, грачи да вороны, в

лучшем случае иволги. Орнитолог честолюбиво полагал, что ему с его незаурядным умом и талантом негоже заниматься однообразными пичужками, о которых науке и так уже почти всё известно. Он в своих изысканиях заслуживал лучшего.

Как-то раз директор одного из зоопарков подарил учёному за его заслуги Журавля. Привыкшая к неволе птица чинно расхаживала по двору Орнитолога, искоса осматривая окрестности и самовлюблённо изгибая длинную шею. Журавль осознавал, что представители его породы стоят дорого, а потому, зная себе цену, всегда как должное принимал комплименты посетителей зоопарка. Преклонения ожидал он и от своего нового хозяина.

Гости Орнитолога и впрямь завидовали счастливчику, принявшему такой красивый пернатый подарок. Заверяли, что Журавль вполне может именоваться райской птицей, которую и искал чудаков-учёный. Только сам владелец не разделял такое мнение. Приобретение своё он считал пустышкой, за нарядным оперением и изящными изгибами осанки ему не виделось ни души, ни самобытности, ни разума. При первой же возможности он продал Журавля другому зоопарку, продолжая лелеять свою мечту о райском создании.

Говорят, птицу видно по полёту. Орнитологу предстояло удостовериться в истинности этого утверждения. Однажды ему повстречалась Синица. Обычная синица с желтовато-серыми пёрышками и миниатюрным клювиком. Но, наблюдая, как она порхала с ветки на ветку в саду перед его окнами,

Орнитолог не мог отвести взор, поражаясь, сколько жизни и задорного вызова читалось в её движениях.

У него не поднялась рука попытаться ловить её. Сама мысль о клетке применимо к этому симпатичному существу казалась ему кощунственной. Он надеялся приручить Синицу, чтобы та добровольно осталась жить у него.

Но независимая пташка ни в какую не поддавалась ни на уговоры, ни на угощения. Она не разрешала погладить себя и каждый раз отправлялась искать ночлег в других местах, не желая признать, насколько уютней и лучше было бы для неё обрести дом и заботливого хозяина. Порой, борясь с непогодой, не находя, где укрыться от хлёсткого ветра, она сдавалась, слабела и сама возвращалась, робко стуча клювом в оконную раму, чтобы Орнитолог впустил её. Но стоило Синице позволить себе присмиреть и проявить немного нежности, как она начинала злиться на себя, дичась пуще прежнего, и до крови клевала острым клювом кормившие и ласкавшие её руки. А затем стремительно улетала не оборачиваясь, скрывая за показным нахальством душивший её стыд.

Орнитолог не обижался на наглость своей подопечной, а лишь диву давался: откуда под жёлтыми пёрышками крохотной грудки взялось такое мятежное сердце? И как в маленькой птичьей головке вмещается столько своенравных мыслей?

Коллеги потешались над Орнитологом. Сама идея поимки райской птицы казалась им забавной. Тем более верхом

безумия считали они упустить Журавля, чтобы потом выдавать за райскую птицу какую-то там невзрачную синичку, которая к тому же вместо благодарности за оказанную честь не упускала случая уделять экскрементами карниз дома Орнитолога².

Орнитолог терпеливо отчищал карниз, надеясь, что согласно народной примете это на счастье.

Он давно уже оставался глух к насмешкам своих товарищей. Какими бы знатоками те ни слыли, им не понять. Они ведь не видели по-человечьи умных глаз необыкновенной Синицы, не слышали трогательного звучания её щебета и уж точно не снизошли бы до того, чтобы вникать в психологию крошечного существа.

Как и положено человеку, посвятившему свою жизнь крылатым созданиям, Орнитолог любил смотреть на небо. По вечерам, когда он вглядывался в звёздную россыпь на тёмно-синем фоне, традиционные созвездия теряли свою форму и жемчужные светила выстраивались в его глазах в контуры птичьих фигур. И Орнитолог ждал, не упадёт ли случайно одна из звёзд, чтобы в момент её падения он загадал своё единственное желание: пусть его мечущаяся райская синица наконец отыщет для себя достойное место, будь то собственное гнездо, его дом или бескрайние небесные просторы.

² Думаете, сказочные птицы не выделяют экскрементов? Ошибаетесь. Без этого ни одна порядочная сказка не обходится.

Допив на веранде чашку чая с мятой, Орнитолог отправлялся спать, обычно прокручивая в голове одну и ту же мысль: какой дурак додумался постановить, будто синица должна быть в руках, а журавль — в небе, да ещё и определить, что из этого лучше. Ведь жизнь слишком сложна, чтобы сводить её к строчке пословицы.

Игривый Лис

Если б кошки могли говорить,
Что бы людям они рассказали?
Ведь их лапы в дорожной пыли,
Сколько жизней они повидали.

Если б кошки могли рисовать,
Что бы было на их акварелях?
Айвазовский, а может, Дали?
Этот мир или мир параллельный?

Если б кошки умели писать,
Написали б они мемуары?
О легендах своих королей,
О кошачьих богах самых старых.

Если б кошки умели играть
На гитаре или фортепьяно,
Что за песни могли бы нам спеть,
О далёких неведомых странах?

Захотели поведать бы нам
Все свои сокровенные тайны?
Или преданность — просто обман
И для них мы пустая случайность?

Может, правда: люби, не люби,
Хоть чеши ежечасно за ушком
И хоть чем только их не корми,
Остаются они равнодушны...

Или всё же живет в их душе
Навсегда, до скончания века,
Разбивая в осколки клише,
Без корысти любовь к человеку?

Человек уходил без оглядки
В тёмно-синюю лунную ночь,
Сам себя убеждая украдкой,
Что тебе он не в силах помочь.
Человек по природе не злобный,
Но и добрым едва назовёшь.
Почему ты вдруг стал неудобным,
Ты навряд ли когда-то поймёшь.
Ты ведь кто? Беспородный, дворовый,

По годам своим вовсе старик.
Был когда-то красивым, здоровым,
Но теперь головою поник.
А ведь были всегда неразлучны,
Друг без друга не мысля ни дня,
Ты по жизни был друг и попутчик,
На двоих вам хватало огня.
С малых лет его ты всегда рядом,
Понимаешь его как никто,
С полуслова или с полувзгляда...
Только детство щенячье прошло.
И всё чаще и дольше разлуки,
Всё пронзительней ночи без сна,
День за днём ты всё чахнешь от скуки,
В своей будке напротив окна.
Ну а дальше привычным сюжетом:
Дом, учёба, работа, дела...
Ты на даче скучаешь всё лето,
Вместо будки кусты и земля.
А потом свадьба, дети, кредиты,
И уже, затянув поясок,
Вместо мяса и рыбы на ужин
У тебя только хлеба кусок.
Твоё время летит беспощадно,
Вот не те уже стали глаза,
И не те уже зубы и лапы,
Да и память уже не верна.
И чем дальше, тем чаще ты слышал,
Что ворчит недовольно жена,

Ну а дальше всё вышло как вышло:
Ночь, обочина, холод, луна.
Человек уже скрылся из виду,
И догнать не хватило бы сил,
И сквозь боль, сквозь печаль и обиду,
Ты пронзительно в ночь заскулил...
Не понять беспородной дворняге,
Не понять никогда ни за что,
Как так вышло, что был лучшим другом
А теперь вы друг другу никто...

Валерия Смоленко

Пёс, который выбрал сам

Вольт появился у нас со сломанной жизнью и тремя лапами. Четвёртую он оставил в драке за помойку — так сказали в бумагах. Рычал на всех, кроме меня. Я кормила его по ночам, когда никто не видел, и разговаривала шёпотом. Он слушал, наклонив голову, и молчал.

В приюте правило: полгода — и освобождай место. Его очередь наступала через три дня. Я уже смирилась. Даже не плакала. Просто перестала есть в столовой, чтобы он не видел моего лица.

В тот вторник пришла женщина с девочкой. Девочка держалась за мамину руку и смотрела в пол. Я сразу поняла: синдром Дауна. Мама сказала отрывисто: «Мы просто посмотрим».

Мы прошли вдоль вольеров. Девочка не реагировала ни на щенков, ни на лай. Она остановилась только у одной клетки. У Вольта.

Он не зарычал. Не отполз в угол. Он медленно, хромя, подошёл к решётке и лёг. Положил голову на лапы. Девочка опустила на корточки — и, не боясь, просунула пальцы между прутьями. Вольт лизнул их. Один раз. Медленно.

«Мама, он грустный, как я», — сказала девочка.

Я чуть не закричала от радости. Кинулась оформлять бумаги, уже представляя, как Вольт поедет домой. Но мама девочки мягко отстранила мои руки: «Мы не можем. У нас нет денег на корм и лекарства. Мы просто пришли посмотреть. Простите».

Она подняла дочь за руку. Девочка не плакала. Она просто смотрела на Вольта через плечо, пока они выходили из дверей. А он — он выл. Тихо, скупно, как взрослый мужчина, который потерял последнюю надежду.

Я закрыла его вольер и ушла в подсобку. Сидела там до темноты.

Утром под дверью нашего приюта лежал конверт. Неподписанный. Я разорвала его дрожащими руками — внутри оказались мятые купюры. Пятисотки, сотки, горсть мелочи. Я пересчитала: ровно столько, сколько нужно на год содержания Вольта. Еда, прививки, передержка.

В конверте была записка. Детским почерком, с ошибками:

Я не буду есть в школе. Я копила на телефон. Но он должен жить. Пожалуйста, не говорите маме. Она и так переживает. Я приду к нему в выходные. Если можно.

Аня

Я смотрела на эти деньги и не могла дышать. Мне тридцать два, я работаю за копейки, у меня нет мужа и машины. Но я достала из своего кошелька половину зарплаты и добавила к Аниным купюрам.

Вольт теперь живёт в отдельном вольере. На табличке я написала: «Личный друг девочки Ани».

Каждую субботу она приходит. Они сидят рядом: она — на корточках, он — положив голову ей на колени. Она гладит его шершавый загривок и что-то шепчет. Иногда я слышу: «Ты мой самый грустный пёс. Но я тоже грустная. Мы вместе, да?»

Вольт не виляет хвостом никому другому. Никогда. Я проверяла. Только Ане.

Я поняла тогда одну вещь. Мы думаем, что выбираем животных. Что спасаем их. А они просто ждут — пока кто-то не пройдёт мимо их клетки и не остановится. Не потому что жалеет. А потому что узнаёт.

Вольт сделал свой выбор за секунду до того, как она сунула пальцы в решётку. Он знал. Просто никто не спросил его раньше.

Белый конь и чёрная ворона

В деревне все знали: конь Граф — красавец, но гордец. Белый, как первый снег, с глазами цвета утреннего неба. Он не подпускал к себе чужих, бил копытом, фыркал. Хозяин, старый кузнец, говорил: «У коня характер — алмаз, но сердце — лёд».

А рядом с конюшней жила ворона. Не простая, а старая, хромая, с выбитым пером на крыле. Люди звали её Царапка

и бросали ей хлеб с отвращением. Царапка не умела красиво петь, только хрипела. Но она однажды заметила то, чего не замечали люди: по ночам Граф дрожал. Ему снились кошмары — те страшные скачки, где он сломал ногу и больше никогда не бегал.

И вот настала зима. Лютая, с ветрами. Все сидели по домам. А в конюшне прорвало трубу, и вода залила пол. Граф стоял в ледяной жиже, ноги его свело судорогой, он не мог двинуться. Хозяин уехал в город за два дня до этого, и никто не знал.

Люди бы не узнали. Но Царапка увидела в щель.

И тогда случилось невероятное. Ворона взлетела на самый высокий столб, раскрыла свой хриплый клюв и закричала. Она кричала час, два, три. Голос её был ужасен — он резал уши, как ржавое железо. Соседи выходили, ругались, бросали в неё снежками. Но она не улетала. Она кружила над конюшней и билась крыльями в стекло.

Только одна девочка, глуховатая Маша, поняла: ворона зовёт. Она вбежала в конюшню, увидела замерзающего Графа, вытащила его, укрыла сеном, принесла тёплого молока.

Графа спасли.

А через неделю старый кузнец решил зарубить Царапку: «Вредная, гадкая, орёт по ночам».

И тогда случилось второе. Граф, белый и благородный, встал между кузнецом и вороной. Он загородил её своим телом. Он встал на дыбы и заржал так, что задрожали стёкла.

Он не пускал хозяина. Царапка сидела у его копыт и даже не шевелилась.

Кузнец выронил топор.

— Граф, ты что? — спросил он. — Это же противная ворона!

Но Граф опустил голову и лизнул ворону в чёрную голову. Птица прикрыла глаза. И в ту секунду все увидели: между ними не было вражды. Была дружба. Та, что спасает жизни.

Кузнец ушёл. А Царапка осталась жить в тёплой конюшне, на насесте, который Граф выбил копытом из старой доски.

С тех пор люди говорят: не важно, кто ты — белый конь или чёрная ворона. Важно, кто тебя спас и за кого ты готов встать стеной.

Маленькое сердце

*Иногда самые большие трагедии происходят
с самыми маленькими. Они не понимают, за что
их предали. Они просто ждут.*

Я не успел запомнить мамин мех,
Лишь помню короб, темноту и страх.
Потом — уютский, равнодушный смех
И чьи-то ноги в грубых сапогах.
Мне холодно. И миска так пуста.
И лает кто-то злобно за стеной.
Я так хочу привычного тепла,
Чтоб кто-то добрый прошептал: «Ты мой».

Я носом ткнусь в холодную ладонь,
Что гладит раз в неделю, по часам.
«Возьми меня, пожалуйста, не тронь
Мою надежду, я её не дам
Ни злобе, ни отчаянью, ни тьме!»
Я буду ждать, свернувшись калачом.
Я верю, ты придёшь, придёшь ко мне,
И назовёшь меня своим лучом.
Я буду самым верным на земле,
Я буду спать у краешка кровати.
Я буду солнцем в серой зимней мгле...
Пожалуйста... приди за мною, хватит
Мне этой боли. Я ещё так мал.
Моё сердечко — крохотный комок.
Я так устал... я так тебя искал...
Мой будущий, единственный... мой Бог.

Взгляд из-за серой сетки

*Каждый день за решёткой приюта — это
сотни молчаливых вопросов в глазах тех, кто
когда-то верил человеку.*

За серой сеткой — карие глаза,
В них замерла осенняя тоска.
И катится неслышная слеза
По шраму возле левого виска.
Он помнит дом, тепло хозяйских рук,
Игрушки, коврик в солнечном углу.

Но мир его сузился в страшный круг:
Решётка, лай и холод на полу.
Он не скулит, не воем на луну,
Лишь смотрит вдаль, где гаснут фонари.
Он преданность свою, а не вину,
Несёт, как крест, до утренней зари.
Сосед по клетке — рыжий, молодой —
Всё верит в чудо, лает на шаги.
А он, седой, поникший, чуть живой,
Шептал бы: «Милый, зря не береги
Ты эту веру в сказку и добро.
Нас предають. Легко и без причин.
Но вслух молчит. И смотрит за забор,
Где мир людей живёт — жесток и чинн.
И каждый вечер, засыпая в снах,
Он видит дверь, что настежь отперта,
И слышит голос, тонущий в слезах:
«Прости, мой друг... я всё же не смогла».
А утром снова — миски, шум и гам,
И чья-то тень мелькнёт невдалеке.
Он тянет нос к бесчувственным рукам
И ищет в них... тепло, как в том, другом, мирке.
Не отводите от приюта взгляд,
Не проходите мимо этих глаз.
Они не мстят, не судят, не корят.
Они лишь молча... очень верят в нас.

Екатерина Янсон

То, что нас не разрушает

Се qui ne me détruit pas³,
Разрушает только наполовину.
Ищу слабый свет, чтобы зеркала
Не отражали мои седины.
Считаю похороненных. Запиваю
Тёплым чаем, чтоб стало легче.
Я не собака, но завываю
и просыпаюсь в ночи, опешив.
Пёс сумел бы зализать рану,
но только свою. И он тоже умер.
Отныне веду себя очень странно,
Чтоб окончательно не обезуметь.
Я перестала чувствовать себя человеком,
дочерью или внучкой. Теперь я хаски.
Вою, когда хочу. Успехом
пользуюсь из-за моей окраски
у детей — они тянутся меня гладить.
Гладьте. Кормите, сам я разучился.
Сплю на полу. В груди что-то саднит.
Моюсь языком. С счёта дней я сбился.
Надо что-то вспомнить, но что — не помню.
Я одинокий, стайный, чейный иль ничейный?

³ В переводе с французского — «То, что меня не разрушает».

И уже хочу расспросить знакомых,
но вопросы сдерживает ошейник.

Алина Сидина

Рецензент

Дедлайн через час. Отчёт закончен — осталось проверить оформление документа. Я откинулась на спинку стула и потянулась. Покрутила головой, разминая шею. Время ещё есть. Поставлю чайник.

Пока я выбирала сорт чая и ждала, когда закипит чайник, из спальни слышался шум. Это, конечно, кот — нашёл какой-нибудь фантик и гоняется за ним по полу. Залив в кружку с заваркой кипяток, я отправилась обратно к компьютеру. Сейчас выровняю абзацы, проверю запятые и отчёт можно отправлять. А чай пока немного остынет.

В середине второй страницы я нашла опечатку. Собираясь исправить ошибку, я взглянула на клавиатуру — клавиши с буквой «V» не было. Я усмехнулась. Посмотрела за монитором. Приподняла клавиатуру. Проверила под столом. Пусто. Оставался один подозреваемый.

Я встала из-за компьютера и зашла в спальню. Кота нигде не было. Я стала его звать — ничего. Пришлось отправляться на поиски.

Кот нашёлся в ванной. Довольный и сонный, он сидел на стиральной машине. В лапах у него была нужная мне клави-

ша «V». Или «М» — смотря какую включить раскладку. Я посмотрела на кота. Он посмотрел на меня. Потом зевнул, скинул клавишу лапой на кафель и спрыгнул со стиральной машины. Я подняла клавишу, повертела её в руках, почесала кота за ухом и пожала плечами.

Видимо, у него возникли замечания к оформлению отчёта.

Юлия Белоусова

Крошка пёс

О чём ты видишь сны, мой крошка пёс?
Кусочки мяса ешь неограниченно,
Бежишь за палкой, тянешь чей-то хвост...
А может, не в своём ходишь обличье?
Вот лаешь ты, заметив криминал.
Но стоит только взять тебя на ручки,
На ласку вмиг меняешь свой запал,
Забыв про нависающие тучи.
Прощенья у тебя просить не надо,
И объясняться тоже бесполезно.
Ты слушаешь внимательно все клятвы,
Минуя церемоний глупых бездны.
Проходишь и условностей границы,
Не предъявляя даже паспорт с визой.
Ты выбираешь просто быть любимцем,
Не глядя на дары «красивой жизни».
Как будто понимаешь, что важнее.
Нет фальши в твоих жестах и порывах.
Ты Бога сохраняешь в шкуре зверя,
Любовью заполняя слои мира.
Вот если б люди тоже так могли
И понимали: Вечность существует!
Она лишь начинается с Земли...

Минуты бы не тратились впустую.

А ты всё знаешь, милый крошка пёс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.